

Алексанян Нелли Арушановна, Филоненко Татьяна Владимировна

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛУЖАЩИХ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917-1922 ГГ.)

В статье впервые исследуется, насколько удалось большевикам реализовать провозглашенные ими принципы эгалитаризма применительно к вознаграждению труда служащих местных органов власти в годы Гражданской войны на территории Воронежской губернии. Авторы рассматривают процесс изменения оплаты труда служащих и источники финансирования. Статья раскрывает разницу в оплате труда служащих в зависимости от уровня власти, а также связь между оплатой труда служащих и работоспособностью государственного аппарата.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/2/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). С. 24-30. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47)“1917-1922”(470.324)

Исторические науки и археология

В статье впервые исследуется, насколько удалось большевикам реализовать провозглашенные ими принципы эгалитаризма применительно к вознаграждению труда служащих местных органов власти в годы Гражданской войны на территории Воронежской губернии. Авторы рассматривают процесс изменения оплаты труда служащих и источники финансирования. Статья раскрывает разницу в оплате труда служащих в зависимости от уровня власти, а также связь между оплатой труда служащих и работоспособностью государственного аппарата.

Ключевые слова и фразы: ответственный служащий (чиновник); рядовой служащий; технические работники; заработная плата; продовольственный паек; льготы и привилегии; рыночные цены.

Александия Нелли Арушановна

Филоненко Татьяна Владимировна, д.и.н., профессор

Воронежский государственный педагогический университет

edelweis65@yandex.ru; filonenkotv@gmail.com

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛУЖАЩИХ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917-1922 ГГ.)

В настоящее время проблемы государственной службы представляются актуальными в рамках развития системы управления Российской Федерации. В связи с этим осмысление опыта советской власти было и остается одним из важных в современной исторической и политической науке России. Актуальность данного исследования определяется тем, что общие вопросы начального периода формирования советских органов власти во многом остаются еще малоизученными, особенно на региональном уровне. В деятельности современного государственного аппарата необходимо учитывать опыт прошлого, чтобы не повторить ошибок и использовать полезные принципы и начинания, заложенные предшествующими поколениями.

Исследование базируется на архивных источниках: сводках, переписке и информационных материалах государственных органов власти, сводках и обзорах настроений населения, материалах прессы, мемуарах и пр.

Авторами установлено, что служащими в широком смысле слова именовали всех работников, входящих в штат составов исполкомов. Однако в узком смысле следует различать ответственных служащих (чиновников), членов исполкомов, которых избирали или кооптировали на должность, от рядовых служащих и технических работников, которых принимали на службу, как правило, с Биржи труда.

В ходе октябрьских событий 1917 года к власти пришли большевики, исповедующие эгалитаристские принципы. В соответствии с ними в апреле 1918 г. на III-ем съезде Советов Воронежской губернии об оплате труда говорилось: «Настоящий момент в области рабочей политики... это с одной стороны относительно уравнять труд вообще, чтобы не было аристократов труда и рабов труда;... Жалование чиновнику понижено до 500 р., тогда когда служителю повышено до 215 р.» [35, с. 61]. Таким образом, разница в зарплате между ответственным и рядовым служащими была установлена в 2,3 раза.

По декрету Совнаркома «Об оплате труда служащих и рабочих Советских учреждений» от 27 июня 1918 года «все Советские работники разбиваются на 4 группы». Ответственные служащие или руководители относились к I группе, рядовые служащие, «ведущие свою работу под руководством ответственного лица», – ко II и III группам и технические работники – к IV группе. I, II и III группы состояли из трех категорий, по которым были назначены тарифы: I группе: 700, 750 и 800 руб. в месяц; II группе: 550, 600 и 650 руб. в месяц; III группа: 400, 450 и 500 руб. в месяц; IV группа – 350 рублей. Здесь же говорилось, что отменяется «получение содержания одновременно по нескольким должностям» [2]. Разница в оплате уменьшилась до 2-х раз.

Сопоставим зарплаты с ценами «вольного рынка», опубликованными в местной прессе. «Сахар – 25 руб. за фунт» [7]. «Яйца достигли 6 руб. 50 коп. за десяток, корчажка молока 7-8 руб., масло сливочное 20 руб. фунт, хлеб чёрный 3 руб. фунт. Картофель имеется в незначительном количестве и продаётся по 1 руб. 50 коп. за фунт» [8] (1 фунт = 409 г).

Рыночные цены на продукты росли, в соответствии с ними приходилось повышать оклады работникам. Рассмотрим разницу зарплат из списка «Оклад месячного жалования служащих Отдела Управления Губисполкома» в декабре 1918 г.: председателю Отдела Управления – 900 руб.; делопроизводителю 2 разр. – 598 руб. 50 коп. Разница между ответственным и рядовым служащими уменьшилась до 1,5 раза.

Если взять зарплаты технических работников: швейцар – 495 руб., сторож – 495 руб., дворник – 450 руб., уборщица помещений – 382 руб. 50 коп., – в среднем их зарплата равняется 455 руб. Разница между зарплатой ответственного служащего и технического работника составляет 2 раза [11, д. 3, л. 14-15].

Финансирование волостных исполкомов и сельсоветов производили уездные исполкомы, указывая, как ими распорядиться. Например, Коротояжский уисполком указал 29 марта 1919 г. № 1830 Левороссошанскому волисполкому: «Уездный исполком при сем препровождает 3.397 руб. 50 коп., причитающиеся в жалование Сельским Советам за январь, февраль, март мм. с/г. Причем таковое должны получить председатель, тов. председателя и секретарь, каждый поровну за каждый месяц.

Расчет же всей суммы между всеми сельскими совдепами, произвести по усмотрению Волостного Исполкома, считаясь с количеством населения и работы Сельских Исполкомов.

Оклад жалования для Сельских Советов установлен следующий: Председателю и тов. Председателя получают в месяц по 451 руб. 20 коп. и секретарь 398 руб. 40 коп.» [14, д. 22, л. 350]. Вышеназванный документ говорит об оплате за три месяца, т.е. зарплату выплачивали нерегулярно.

Также в документе говорилось об оплате ответственным работникам волисполкомов и сельсоветов из государственного бюджета, а рядовым служащим – из местного бюджета.

Однако в этом вопросе не было четкости и единообразия. В некоторых документах этого же времени подчеркивалось, чтобы ответственным служащим сельсоветов: председателю, заместителю председателя (называли «товарищем председателя») и секретарю – выдать зарплату «из местных средств». Например, это было отражено в расчетных ведомостях на выдачу зарплаты за январь 1919 г. служащим Старокиевского сельисполкома [Там же, л. 293], Платавского сельсовета [Там же, л. 299], Оськинского сельисполкома [Там же, л. 305] Оськинской волости Коротоякского уезда.

Рассмотрим «Месячный оклад жалования состава служащих» Банновского волисполкома и Банновского сельсовета Новохоперского уезда в апреле 1919 г.: председатель волисполкома – 500 руб., переписчик регистрационного отдела волисполкома – 324 руб., разница между ответственным и рядовым служащими уменьшилась до 1,2 раза. Разница между зарплатой председателя волисполкома в 500 руб. и председателя сельсовета в 400 руб. составляет 100 руб., т.е. отличается на 20% [28, д. 18, л. 5 – 6 об.].

Сравним зарплаты из «Требовательной ведомости на выдачу жалования служащим Землянского уездного Отдела Управления» за январь 1920 г.

Заведующий Отделом Управления – 2.475 руб.; делопроизводитель 2-го разр. – 1.650 руб., разница между ответственным и рядовым служащими составляет 1,5 раза; сторож – 1.155 руб., разница между ответственным и техническим работниками составляет 2,1 раза [10, д. 2, л. 35]. Такие же з/платы были в ноябре 1919 г. [Там же, д. 1, л. 3, 4], декабре 1919 г. [Там же, л. 11, 12].

Из сметы на содержание Калабинского волисполкома и одноименного Калабинского сельского совета Землянского уезда на 1920 г.: «Содержание в месяце» ответственным служащим волисполкома: Председателю – 975 руб., «товарищу председателя» – 975 руб., член-секретарю – 975 руб. одинаково. Прочерки в графах о зарплате означали, что лицам не начисляли вторую з/плату за совмещение еще одной должности.

В списке «На содержание Калабинского сельсовета» было назначено председателю, «товарищу его» и член-секретарю по 589 руб. одинаково [9, д. 13, л. 212, 212 об.]. Кроме Калабинского сельсовета такие же зарплаты указаны для ответственных служащих остальных 9-ти сельсоветов Калабинской волости. Зарплата ответственных служащих волисполкома выше зарплаты ответственных служащих сельсоветов на 386 руб., т.е. на 40,4% [Там же, л. 212-214].

Что могли себе позволить служащие приобрести на рынке осенью 1919 г.: «Цены на осень 1919 г. стояли следующие: пуд муки белой – 380-350 руб., пуд соли – 120-100 руб., фунт белого хлеба – 10 руб., фунт говядины – 12 руб., кусок мыла – 20 руб., сахарный песок – 40-35 руб. фунт. Советские деньги из торгового обращения изъяты» [1, с. 109] (1 пуд = 16,38 кг). Бои шли с переменным успехом, и неясно было, «чья возьмет». Торговцы не принимали советских денег, надеясь на недолговечность режима, что составляло проблему для советских служащих приобрести продукты на рынке.

Объяснительная записка к смете расходов на 1920 год Ольховатского сельсовета Землянского уезда показывает, что за счет государства планировалось выдавать зарплату только председателю сельсовета – по 582 руб. в месяц, все остальные расходы, в том числе зарплаты тов. председателя и секретарю по 582 руб. в месяц, – за счет местных средств [9, д. 13, л. 156].

Такие же суммы и источники средств указывались в объяснительной записке к смете расходов на 1920 год сельсовета Репешкино в Хвощеватовский волисполком Землянского уезда [Там же, л. 114].

Гражданская война разрушила народное хозяйство, и в казне отсутствовали достаточные средства для достойной оплаты труда. Власть экономила на волисполкомов и сельсоветах, и вопрос относительно оплаты членов волисполкомов «до последних дней висел в воздухе – Центр никак не мог сговориться, за чей же счет должны содержаться члены Волисполкомов, на местном или государственном бюджете. Лишь с сентября м-ца (1922 г. – Н. А., Т. Ф.) вопрос об их содержании разрешился в смысле перевода их на государственный бюджет, и Отдел получил кредит на их содержание...» [11, д. 185, л. 33 об.].

Вышеприведенные документы подтверждают слова А. И. Большакова о том, что «невзирая на совершенно определенное решение IX съезда Советов о содержании всех трех членов волисполкома за государственный счет, чуть ли не до последнего времени оплачивался только один председатель. Лишь к концу 1922 г. начали оплачивать и остальных членов волисполкома, но по такой низкой ставке, которая фактически не дает возможности работникам существовать» [3, с. 118].

Мизерные оклады служащих негативно отражались на работоспособности низового органа власти. Волостной исполком 30 марта 1920 г. сообщил в Отдел Управления Коротоякского уезда, что «пригласить новых канцеляристов не представляется возможным, так как содержание им установлено декретом крайне мизерное» [23, д. 51, л. 86 об., 87].

Условия Гражданской войны вопреки эгалитаристским лозунгам и декларациям задавали свой вектор. Уже в первые месяцы существования советской власти прежние чиновники широко развернули саботаж, а свои кадры были малограмотными. Чтобы привлечь прежних специалистов, «советская власть платила “спецам” повышенные жалования, которые Ленин называл “данью”» [36, с. 158].

Местная газета в статье «Истребите совбура» расценила вознаграждение «спецу» незаслуженно высоким, укоряя за то, что он «без зазрения совести получает пять пайков, двойной оклад жалованья, сверхурочные, премиальные и чуть ли не премиальные на премиальные. Им дорожат и гордятся...». А с его стороны, несмотря на щедрое вознаграждение государства, «формально чиновничье-бумажное отношение к делу...» [6].

Также Гражданская война, разделившая общество на «своих» и «чужих», неизбежно вела к поддержке и поощрению «своих» членов партии со стажем, которые заняли руководящие ответственные должности. Ленин считал, что ответственные партийцы заслуживают более высокого материального обеспечения, т.к. они подорвали свое здоровье, занимаясь революционной деятельностью задолго до октября 1917 г. Тем более что ответственные посты предполагали ненормированный рабочий день, напряженную работу, дополнительную ответственность и т.д.

Для членов партии большевиков, которые занимали различные посты в органах власти, в зависимости от его уровня был установлен специальный тариф из семи разрядов. Таким образом, большевики выделяли из общей массы трудящихся своих соратников и единомышленников. Также это было стимулом для беспартийных вступить в партию большевиков.

На основании распоряжений ВЦИК Отдел Управления Воронежского губисполкома, по согласованию с президиумами Губпрофсовета и Губисполкома, опубликовал 8 июня 1920 г. тариф оплаты труда ответственных политических работников города Воронежа и губернии как для гражданских, так и для военных учреждений:

«1-ый разряд – 5.920 руб. Члены исполкомов Губернского и городского, комиссары Губернских и Городских учреждений, как то: Губвоенкомиссары, Губпродкомиссары, члены коллегии Губернских и городских учреждений.

2-й разряд – 5.600 руб. Товарищи и помощники Комиссаров Губернских и городских учреждений. Члены Уисполкома города Воронежа и подведомственные ему комиссары и члены коллегий.

3-й разряд – 5.200 руб. Члены районных и пригородных исполкомов города Воронежа.

4-й разряд – 4.900 руб. Члены Уисполкомов по губернии, комиссары уездных учреждений, как то уездвоенкомиссары, упродкомиссары, члены коллегий уездных учреждений.

5-й разряд – 4.500 руб. Районные города в уездах, как-то Бутурлиновка, Лиски, Буденовка и др. более крупные промышленные села, члены волисполкомов пригородных уездных слобод.

6-й разряд – 3.675 руб. Члены волисполкомов по всей губернии за исключением пригородных.

7-й разряд – 2.940 руб. Члены сельских исполкомов» [11, д. 9, л. 177].

По этому тарифу каждый нижестоящий уровень власти в иерархии: губернский, уездный, волостной и сельский – отличался от нижестоящего приблизительно на 1 тысячу рублей.

Повышая оклады членам РКП(б), большевики нарушили принцип эгалитаризма, который исповедовали.

Точно в соответствии с вышестоящим тарифом в личных карточках членов губисполкома, датированных ноябрем 1920 г., в п. 5. были указаны размеры «жалованья»: Абель Ян Карлович, партийный, 5.920 руб.; Степанов Михаил Дементьевич, партийный, 5.920 руб. [12, д. 3, л. 3-4].

Рассмотрим оклады служащих уездного уровня. «Из требовательной ведомости за октябрь 1920 г. на выдачу жалованья служащим Землянского уездного Отдела Управления»: месячный оклад заведующего Отделом Управления – 4.900 руб. и делопроизводителя I разр. – 1.680 руб., разница почти в 3 раза. Разница в зарплатах между ответственным и рядовым служащими увеличилась с 1,2 до 3 раз за счет надбавки за членство в партии и политическую работу [10, д. 11, л. 3, 3 об.].

Рассмотрим оклады служащих волостного уровня. Из «Требовательной ведомости на уплату жалованья служащим Касторненского волисполкома» за июль 1920 г. (*те же зарплаты до декабря 1920 г. – Н. А., Т. Ф.*): разница между месячным «окладом жалованья» заведующего Отделом Управления в 3.675 руб. и делопроизводителем в 1.260 руб. – почти в 3 раза [Там же, д. 12, л. 1]. Такая же разница за счет надбавки членам РКП(б).

Сопоставим зарплаты служащих с ценами «вольного» рынка: «В начале мая 1920 г. базарная жизнь в Воронеже била ключом... Сахар и соль были в небольшом количестве по бешеным для того времени ценам: сахар – 1200-1300 руб. фунт, соль – 230-250 руб. фунт, подсолнечное масло – 360-380 руб. фунт, керосин – 280-300 руб., черная пышка – 40-60 руб., фунт черного хлеба – 80 руб., куриное яйцо – 50 руб., молоко 500-600 руб. корчажка, сало соленое – 500-550 руб. фунт, простые сапоги – 15.000-18.000 руб., дамские подержанные туфли – 7.000 руб.» [4, с. 44]. Зарплаты служащих и рыночные цены на товары были несопоставимы.

По этому поводу председатель Лево-Россошанского волисполкома с беспокойством доложил в ноябре 1921 г. в Отдел Управления Коротоякского уисполкома, что «люди занятые в советских Учреждениях настолько обездолены в смысле снабжения и оплате труда, что они не могут отдать себя целиком работе в учреждении – они должны лихорадочно заботиться о питании себя и семьи...» [25, д. 18, л. 83 об.].

Разруха народного хозяйства усугубилась необычайно засушливыми и неурожайными кряду 1920 и 1921 годами на территории Воронежской губернии, что привело к росту цен на товары. Цены «на вольном рынке» г. Воронежа с июля по сентябрь 1921 г. выросли в среднем в 20 раз [34, с. 76] и дальше продолжали расти [4, с. 54].

К февралю 1922 г. в Монастырщенской волости Богучарского уезда «местные рыночные цены» увеличились в 11 раз: «От таких баснословных цен служащим Волисполкома и сельсоветов в особенности канцеляристам приходится постепенно растоваться с жизнью...» [20, д. 130, л. 14].

О задолженности за 1921 год «личному составу низовых исполкомов около 6.000.000.000 рублей» говорилось в отчете Отдела Управления губисполкома на Воронежском губернском съезде Советов XI созыва в ноябре 1922 г.: «Кредитов не было, налоги поступали все время слабо, местные средства отсутствовали, уезды засыпали требованием кредитов, грозя полной остановкой аппарата. Отдел стучался в Москву, но она

упорно молчала т.к. она сама, очевидно не имела средств...». Воронежскому губисполкому, «чтобы сохранить низовой аппарат, пришлось пойти на единственную, находившуюся в его распоряжении меру – допустить самообложение вопреки распоряжениям Центра, требовавшего содержать низовой аппарат по строго выработанному бюджету...» [11, д. 185, л. 33 об.].

Чтобы обеспечить стабильность и дисциплину в государственном аппарате, работа в исполкомах приравнивалась к военной службе, что влекло взаимные обязательства государства и гражданина. Гражданин как военнообязанный не мог покинуть службу по своему желанию, но и государство обязано было обеспечить обмундированием и продпайком служащего, учитывая состав его семьи. Также служащие наделялись земельными участками.

В условиях острого дефицита и обвальной инфляции наиболее ценным вознаграждением для граждан являлся продпайк. На первом месте для получения продпайка среди трудящихся стояли рабочие: «23 августа 1918 г. Горсовет установил хлебный паек ежедневно в такой порции: для рабочих 1/2 фунт хлеба, остальным гражданам 1/4 фунта». Остальные граждане, к которым относились и рядовые служащие, получали паек в два раза меньше рабочих. Но и эти мизерные пайки «не всегда выдавались аккуратно... В конце мая 1919 г. паек был увеличен: рабочие получали 1 фунт хлеба, служащие 3/4 фунта, остальным гражданам 1/2 фунта... А в июле город сидел без хлеба...» [4, с. 43].

Перебои в снабжении продпайками начались с лета 1919 г., когда на территории Воронежской губернии велись жестокие бои между Красной и Белой армиями. Служащие, оставшись без снабжения, подавали коллективные заявления в вышестоящие органы о своем бедственном положении [22, д. 1, л. 453].

Следующее заявление от председателя земельного отдела Бобровского уисполкома об обеспечении хлебом служащих, адресованное Бобровскому уездному Ревкому, Упродкому и бюро профсоюзов Комитета Союза служащих: «Служащие выйдя на занятия непрерывно ведут разговоры о том, что семья его несколько дней не ест хлеба и что они не знают выхода из создавшегося положения... 18 октября 1919 г.» [29, д. 17, л. 155].

Апеллируя в вышестоящие инстанции о положении служащих, руководители приводили главный аргумент – их необеспеченность вредно отражается на деятельности госаппарата. Председатель Подгоренского волисполкома Воронежского уезда А. Свиридов в феврале 1920 г. обратился с ходатайством о снабжении служащих: «Работа в Волисполкоме не вполне успешна... служащие исполкома вследствие низкого оклада содержания как раз находятся на положении полуголодных, к тому же отсутствие продовольствия в Подгоренской волости вынуждает некоторых служащих бросать работу и отправляться с мешком за плечами в обетованные страны на поиски продуктов...» [18, д. 14, л. 1 об., 2].

Оськинский волисполком жаловался в Коротоякский уисполком в марте 1920 г. на бедственное положение ответственных и рядовых служащих: «...мы главный винт советского аппарата на территории Оськинской волости и нам нету ничего. Вы, говорят, товарищи, имеете свою землю... да, товарищи, если Земля не родила, то землю кушать не будем...» [24, д. 11, л. 438, 438 об.].

На основании нового положения, «распубликованного в Центральных Известиях № 66 сего года (1920 г. – Н. А., Т. Ф.)», государство перестало с мая 1920 г. выдавать продпайк служащим волисполкомов и сельсоветов. В связи с этим заведующий Отделом Управления Воронежского уезда докладывал 14/VI-1920 г.: «...с ликвидацией волпродорганов служащие волостных исполкомов лишились возможности получать продукты питания как для себя так и для своих семейств. И в настоящее время ввиду постигшей их голодной участи массами подают прошения об увольнении их со службы, а в большинстве случаев уходят и без всяких прошений – уходят за поиском хлеба...» [16, д. 8, л. 32].

Председатель Старо-Безгинского волисполкома 6 июля 1920 г. исх. № 1710 докладывал в Отдел Управления Коротоякского уисполкома: «В настоящее время за июль м-ц от служащих поступают заявления (письменные) о выдаче им пайкового довольствия с семьями, при этом излагаются что при неудовлетворении их, они продолжать службу не смогут» [24, д. 11, л. 36 об., 37].

О бедственном положении служащих, страдающих от голода, отсутствия обуви и одежды докладывали в августе 1920 г. в Коротоякский уисполком председатели Тресоруковского [Там же, л. 72 об.] и Оськинского волисполкомов [Там же, л. 41].

Председатель Ново-Уколовского волисполкома докладывал в Коротоякский уисполком в августе 1920 г.: «Члены и служащие всех отделов Волисполкома... за июль м-ц и по сие время т.е. на момент составления доклада к 11 августа с.г. не удовлетворены продпайком... отсюда же вытекает манкировка службой на почве недоедания» [Там же, л. 68 об.].

Председатель Лево-Россошанского волисполкома докладывал в Отдел Управления Коротоякского уисполкома в ноябре 1920 г., что «...люди занятые в советских учреждениях настолько обездолены в смысле продоснабжения и оплаты труда, что они не могут отдать себя целиком работе в учреждении – они должны лихорадочно заботиться о питании себя и семьи...» [25, д. 18, л. 83].

Бедствовали также служащие уездных исполкомов. Главный бухгалтер уфинотдела Михаил Федорович Ломакин обратился с заявлением в Президиум Коротоякского уисполкома: «Я и моя семья, состоящая из шести душ... Все время, а в настоящее в особенности, я и мое семейство хронически голодаем... К сему М. Лом. 21/VI-21г.» [26, д. 14, л. 48].

Правление Союза советских служащих в ходатайстве от 7/VII-1920 г. перед губисполкомом за служащих исполкома Борисоглебского уезда просило «урегулировать вопрос о снабжении служащих хотя бы самыми необходимыми продуктами как хлеб, т.к. отсутствие хлеба у служащих с одной стороны подрывает их здоровье, с другой уменьшает производительность их труда» [21, д. 114, л. 47].

Неимение обуви и одежды становится уважительной причиной отсутствия на службе, о чем неоднократно доносили сводки Отдела Управления Коротоякского уисполкома в октябре 1920 г. [24, д. 11, л. 230] и в январе 1921 г. [Там же, л. 379].

Председатель Красненского волисполкома предупредил Коротоякский уисполком, что «многие члены и служащие Советов... намерены бросить свою службу, несмотря на угрожаемую ему ответственность. Февраль 1921 г.» [Там же, л. 389 об.].

Критическое положение служащих обсуждали на расширенном заседании Борисоглебского уисполкома 14 февраля 1921 г.: «...в продолжении трёх месяцев рабочие не получают хлеба и теперь даём только за ноябрь. В таком же положении и служащие...». Отмечали, что если раньше отказывали служащим «на выезд за хлебом», то теперь «придется давать разрешение на выезд под предлогом командировки и проч. ...» [21, д. 81, л. 149, 149 об.].

Страх голодной смерти затмевал страх наказания за самовольный уход со службы. Урывский волисполком докладывал в Коротоякский уисполком: «...технических работников в районе волости не имеется какие были секретари по сельсоветам бросили занимаемые должности без ведома Волисполкома и уехали в Донскую область за приобретением хлебов... 2/III-21 г.» [24, д. 11, л. 430, 430 об.]. И тот же исполком позже сообщил: «Служащие Волисполкомов и Сельсоветов ввиду неполучения продпайка бросают службу и без всяких разрешений уезжают... 15 марта 1921 г. № 1572» [Там же, л. 425].

Чуть лучшим по сравнению с положением служащих волисполкомов, которые оказались на голодном пайке, было положение служащих уисполкомов, для которых были организованы в столовых обеды, хотя и неполноценные. О чем сообщали секретные сводки заведующего информационно-инструкторским подотделом Отдела Управления Коротоякского уезда: «Советские служащие гор. Коротояка... на полуголодной норме, приготовляемого из разного сбоя получаемого из Упродкома... 18 января 1921 г.» [Там же, л. 379]. И оттуда же следующая сводка сообщала: «Служащие учреждений... пайками своевременно не удовлетворяются и питаются в советских столовых одним обедом в сутки без хлеба, приготовляемый большей частью с мерзлого картофеля, капусты и сбоя (голов, ног, печенок и проч.) в которых отсутствуют жиры... 3 марта 1921 г. исх. № 1335» [13, д. 2, л. 61].

18 июня 1921 года заведующий Отделом Управления Коротоякского уезда в сводке доносил, что «в Волисполкомах, Сельсоветах, а также в Уездных учреждениях наблюдаются массовые бегства служащих и даже ответственных работников на юг за поиском хлеба» [25, д. 18, л. 4].

Рядовые служащие Сериковского волисполкома Бобровского уезда обратились 28/IX 21 г. с заявлением в Бобровский уездный Комитет РКП(б) по поводу своего бедственного положения (*6 чел. делопроизводителей, переписчик и секретарь – всего 8 человек – Н. А., Т. Ф.*) [19, д. 57, л. 331, 331 об.].

Поток жалоб на мизерные оклады, несовместимые с жизнью, шёл от служащих волисполкомов и рядовых служащих уисполкомов. В них граждане пишут о себе как об очень дисциплинированных, преданных советской власти работников.

К февралю 1921 г. продовольственное положение губернии стало критическим. В этом положении губисполком пошел на самоограничение: «ким были санкционированы постановления об отмене привилегированных пайков» [32, с. 9]. Об этом скупо и вскользь сообщалось в отчете Воронежского губисполкома на IX губернском съезде Советов в мае 1921 г. Этот документ относится к опубликованным источникам. В Воронежских архивах отсутствуют документы о количестве выданных обычных продпайков конкретным служащим, тем более привилегированных.

Таблица 1.

**Средняя величина пайка (в фунтах) за ноябрь 1921 г.,
выданная Губкомрабснабом служащим губисполкома и рабочим [33, с. 171]**

Средний пайк в фунтах	Группы	
	Рабочие	Совслужащие
Хлеб	80	56
Мясо	7	4 $\frac{3}{4}$
Жиры	1 $\frac{1}{4}$	17/27

Наиболее обеспеченными продпайками оказались служащие губисполкома как работники высшего уровня местной власти. Из таблицы следует, что средний размер пайка, выданный служащим губисполкома, на 30% ниже пайка рабочего.

Одной из льгот, которую предоставляла для служащих работа в исполкомах, была возможность избавиться от призыва на военную службу. Члены Рогачевского волревкома Воронежского уезда на собрании 10 декабря 1919 г. постановили: «Взойти с ходатайством перед Воронежским уездным комиссариатом об освобождении от мобилизации членов и служащих волревкома поименованным в списке как незаменимых и ответственных работников, ввиду того, что ревком организовывается вновь, как дела уничтожены белыми и требуется усиленная работа...» [17, д. 14, л. 21].

Комиссар Павловского уездного военного комиссариата Бакулин в январе 1920 г. упрекнул заведующего отделом труда Павловского уисполкома в укрывательстве «явных дезертиров», потому как «многие из граждан гор. Павловска и его уезда, желая уклониться от мобилизации поступают в Советские учреждения на ответственные должности, а последние ходатайствуют предо мною о выдаче таким служащим отсрочек...» [15, д. 87, л. 4].

Подобные факты наблюдались не только в Павловском уезде. К примеру, ревком Гореновской волости Новохоперского уезда в своем отчете объяснил в марте 1921 г., почему весь его состав из 5-ти человек был освобожден от мобилизации [22, д. 1, л. 147].

Власть поощряла ответственных партийцев как опору и проводников своей политики. Партийные чиновники получали повышенные спецпайки, имели различные льготы и привилегии, которые при гиперинфляции и низком уровне жизни всего населения были наиболее ценными.

К примеру, голодающей семье автора книги «Два года среди крестьян» А. Л. Окнинского по дороге в Тамбовскую губернию на перроне помог незнакомец продуктами из столовой, которые получил как член Коммунистической партии и член коллегии по управлению Николаевской железной дорогой. Как выяснилось из дальнейшего разговора с ним, также он «имел право получать при проезде по всем железным дорогам отдельное купе I класса» [31, с. 15].

Об образе жизни воронежских ответственных партийцев написала контрреволюционная газета, которую перепечатала местная газета: «Большевистские главари восприняли все чисто “буржуазные” привычки: имея массу денег, они заполняют театры, рестораны, катаются на лихачах и т.д.» [7].

Партийным чиновникам в зависимости от ранга полагались легковые автомобили или конные экипажи. Использовать служебный транспорт в личных целях запрещалось, но злоупотребления были часты. Об этом местная газета в статье «О местной жизни» с укором констатировала: «Несмотря на приказ Губчека, запрещающий катание на казенных лошадях, это нежелательное явление до сих пор ещё не прекратилось. Проходя по городу, то и дело встречаешь всевозможных советских чиновников с девицами, мчащихся на лошадях с невероятной быстротой. По вечерам к театрам подкатывают подобные парочки, которых целый вечер до окончания спектакля ожидает кучер у подъезда» [5].

Служебный транспорт и телефоны, спецстоловые, отдельные места в театрах и поезде, доступ к спецраспределителям и т.д. – эти явления обособленности власти от населения были хорошо заметны. Именно они, а не различие в денежных доходах, вызывали жгучую ненависть обывателя. О чем явствует выдержка из дела Воронежской губернской ЧК по обвинению Целиковского Николая Ивановича в выражении недовольства советской властью: «10 декабря 1919 г. мне как сотруднику особого отдела при 8 армии... гр. Целиковский говорил, что при Советской власти живётся хорошо только комиссарам, которые носят брюки по семь тысяч, но я не могу ничего достать из обуви и одежды» [27, д. 10, л. 18].

Привилегии партийцев высшего звена по сравнению с остальным населением породили перевод слова «коммуна» «на всех перекрестках и во всех домах на “кому на”, а “кому нет”» [30, с. 21].

Таким образом, анализ источников показал, что, в соответствии с провозглашенными принципами, официально разница в оплате труда рядовых и ответственных служащих была установлена в разумных пределах. Однако Гражданская война, разделившая общество на «своих» и «чужих», задавала свой вектор. Нами установлена разница в зарплатах между ответственным и рядовым служащими местных органов власти к концу Гражданской войны: составляла до 3-х раз, если чиновник являлся членом партии (так чаще всего было). Авторам удалось установить, что неафишируемые, завуалированные вознаграждения ответственным работникам, которые состояли в партии большевиков, в виде надбавки к зарплате, спецпайков, привилегий и различных льгот явились, кроме всего прочего, инструментом для манипуляции «своими» и «чужими».

Кроме повышенного оклада ответственные партийцы имели различные льготы и привилегии в зависимости от ранга. Они существенно меняли качество жизни, что позволяет отнести их к элите.

Одним следует отметить, что и ответственность для таких лиц была установлена более высокая. Любой партийный чиновник, дискредитировавший себя, нарушивший Устав партии, мог в любой момент лишиться поста и быть отданным под суд. Высокая ответственность партийных чиновников наряду с другими факторами привела к укреплению советского аппарата губернского и уездного уровней государственной власти.

Список литературы

1. **Алексеев В.** Гражданская война в ЦЧО. Воронеж: Коммуна, 1930. 210 с.
2. **Библиотека нормативно-правовых актов СССР** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libussr.ru/infdoc8.htm> (дата обращения: 14.07.2015).
3. **Большаков А. И.** Советская деревня (1917-1925 гг.). Л.: Прибой, 1925. 263 с.
4. **Весь Воронеж на 1924-25 гг.:** справочная книга. Воронеж: Воронежская Коммуна, 1924. 232 с.
5. **Воронежская Коммуна.** 1920. 22 февраля.
6. **Воронежская Коммуна.** 1920. 10 ноября.
7. **Воронежский Красный Листок.** 1918. 18 августа.
8. **Воронежский Красный Листок.** 1918. 22 августа.
9. **Государственный архив Воронежской области (ГАВО).** Ф. Р-2. Оп. 1.
10. **ГАВО.** Ф. Р-2. Оп. 2.
11. **ГАВО.** Ф. Р-4. Оп. 1.
12. **ГАВО.** Ф. Р-4. Оп. 2.
13. **ГАВО.** Ф. Р-4. Оп. 3.
14. **ГАВО.** Ф. Р-6. Оп. 1.
15. **ГАВО.** Ф. Р-12. Оп. 1.
16. **ГАВО.** Ф. Р-118. Оп. 1.
17. **ГАВО.** Ф. Р-165. Оп. 1.
18. **ГАВО.** Ф. Р-425. Оп. 1.

19. ГАВО. Ф. Р-466. Оп. 1.
20. ГАВО. Ф. Р-484. Оп. 1.
21. ГАВО. Ф. Р-503. Оп. 1.
22. ГАВО. Ф. Р-595. Оп. 1.
23. ГАВО. Ф. Р-653. Оп. 2.
24. ГАВО. Ф. Р-653. Оп. 3.
25. ГАВО. Ф. Р-653. Оп. 4.
26. ГАВО. Ф. Р-1136. Оп. 1.
27. ГАВО. Ф. Р-1678. Оп. 1.
28. ГАВО. Ф. Р-1950. Оп. 3.
29. ГАВО. Ф. Р-2468. Оп. 1.
30. **Неизвестная Россия: XX век.** М.: Историческое наследие, 1992. Кн. 1. 354 с.
31. **Окнинский А. Л.** Два года среди крестьян. М.: Красный путь, 1998. 272 с.
32. **Отчет Воронежского Губернского Исполнительного Комитета Советов (за период с 10-го октября 1920 г. по 31 мая 1921 г.) 9-му Губернскому съезду Советов.** Воронеж: 4-ая советская типография, б. г.
33. **Отчет о деятельности Губкомрабснаба. Апрель-декабрь, 1921 г.** Воронеж, 1922.
34. **Первый отчет Воронежского Губернского экономического совещания (на 1 октября 1921 г.).** Воронеж: 2-я советская типография, б. г.
35. **Протокол Третьего съезда Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов Воронежской губернии. 5-10 апреля 1918 г.** Воронеж, б. г. 92 с.
36. **Чернышова А. В.** Формирование управленческого аппарата в России в первые годы советской власти // *Власть.* 2014. № 7. С. 155-160.

MAINTENANCE OF REGIONAL CIVIL SERVANTS OF VORONEZH PROVINCE IN THE YEARS OF THE CIVIL WAR (1917-1922)

Aleksanyan Nelli Arushanovna

Filonenko Tat'yana Vladimirovna, Doctor in History, Professor
Voronezh State Pedagogical University
edelweis65@yandex.ru; filonenkotv@gmail.com

The article for the first time analyzes how the Bolsheviks managed to realize the declared principles of egalitarianism regarding the reward of regional civil servants in the years of the Civil War within the territory of Voronezh province. The authors examine the process of changing civil servants' wage system and the sources of financing. The paper discovers difference in the employees' wage rates depending on the level of power and the relation between the employees' wage rates and the efficiency of the state apparatus.

Key words and phrases: high-rank official; employee; technical workers; salary; ration; benefits and privileges; market prices.

УДК 1:316

Философские науки

Фундаментальный вопрос философии «Что есть человек»? является актуальным и для технологии социальной работы. Автор рассматривает проблему взаимодействия субъекта и объекта в социальной работе и выявляет специфику человека, которая заключается в дихотомическом единстве как «человек-нуждающийся» и «человек-помогающий». Выявлены модели, с помощью которых формируются знания о проблемах объекта. Раскрыты качества альтруистического поведения субъекта (ценности человека и профессии, этика общественного перераспределения ресурсов).

Ключевые слова и фразы: дуализм; материалистический подход; «человек-нуждающийся»; «человек-помогающий»; глобальная солидарность; альтруистическое поведение.

Арутюнян Каринэ Сергеевна, к. филос. н.

*Рязанский государственный радиотехнический университет
carin@mail.ryazan.ru*

ОСМЫСЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В истории человеческой мысли выделились два подхода к пониманию природы человека. Один из подходов основан на дуализме, противопоставлении духа и материи, души и тела, человека и природы. Дуализм, представленный в идеалистических учениях, выстраивает иерархию, на одном полюсе которой оказывается внечеловеческий Дух (Бог, Мир), а на другом – статичная материя, природа. Причем Дух мыслится как субъект, как источник действия, движения и жизни, а природа, материя и человек – только как пассивный объект. Этот подход возник не случайно. Он служил описанию человеческой жизни, осмыслению и решению социальных проблем в условиях доиндустриального общества, когда природа и человек непосредственно противостояли друг другу.